

© 2012 г. *Н.А. Бухалова*

УДК 101

**СУПРУЖЕСТВО
КАК ОСНОВНОЙ МЕХАНИЗМ АКТИВИЗАЦИИ
ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ**

В связи с увеличением числа пожилых и старых людей в общей численности населения за последние десятилетия актуализируется социально-философское осмысление процессов старения российского общества, выявление закономерностей и последствий старения как для индивида, так и для общества в целом.

Официальной границей старости принято считать достижение пенсионного возраста. Выход на пенсию – переломный момент в жизни большинства россиян. Пожилой человек оттесняется из ранее занимаемых высоких или средних позиций в социальной структуре общества и власти – это естественный процесс смены поколений в обществе. Но для каждого отдельно взятого пожилого человека это воспринимается как потеря социального статуса, нарастает тревожность, неудовлетворенность жизнью, снижается самоуважение. Исключение пожилых людей из большинства социальных сфер провоцирует изоляцию старшего поколения [1, с. 311-313].

Состояние посттрудового синдрома отягощается доминированием в российском обществе негативного образа пожилого человека. К. Виктор выделил следующие стереотипы старости: большинство пожилых имеет слабое здоровье; старики социально изолированы; большинство старых людей изолированы от своих семей или пренебрегают ими; пожилой человек не может учиться, умственные качества с возрастом ухудшаются; в позднем возрасте интерес к половой жизни минимален, или старики просто не способны к ней; все старики похожи друг на друга [2, с. 51]. Эти стереотипы складываются в ложную и сильно упрощенную картину старости. Они отрицательно влияют прежде всего на самочувствие самих пожилых людей. В старости человеку приходится отказываться от многих

привычных ему ролей и усваивать новые. Главная трудность состоит в том, что пожилые люди вынуждены бороться с навязываемыми им стереотипами поведения, якобы соответствующими их возрасту.

Современный «старик» после выхода на пенсию живет в среднем еще 15-20 лет, что в сравнении со средней продолжительностью всей жизни современного человека очень значительное время (приблизительно четверть жизни!). Неужели вся эта четвертая часть отведенного человеку срока жизни – это распад и угасание? Далеко не всегда жизнь в пожилом возрасте и в старости представляет собой жалкое существование и одинокое ожидание смерти. Пожилые – люди с большим жизненным опытом, запасом социальных и профессиональных знаний, носители традиций и культурного наследия нации, а знания и опыт пожилых должны оцениваться как один из видов национальных ресурсов. В связи с этим необходимо отказаться от представлений о старости как только деструктивном процессе. Представители третьего поколения должны быть так или иначе интегрированы в общество, поскольку являются носителями социальной памяти, осуществляющими необходимую связь между поколениями. Формирование позитивного образа пожилых людей – одна из задач не только науки, но и государственной социальной политики. Человек в старости также должен иметь возможности оставаться полноценным социальным субъектом. Залог активности – это восприятие пожилого человека как деятельного субъекта. Отстаивая позиции теории активности, в которой старение воспринимается как «борьба за сохранение среднего возраста» до конца жизни, мы полагаем, что человек в позднем возрасте должен иметь возможность поддерживать те же контакты и активность, которые были свойственны ему в среднем возрасте.

В формировании модели активной старости и интеграции пожилого человека в социум важная роль отведена *семье*, которая позволит человеку в позднем возрасте ощутить свою значимость, почувствовать себя нужным, востребованным. Семья представляет собой матрицу любого проявления социальной жизни в старости. Семья в позднем возрасте – сложный феномен социальной реальности, который интегрирует практически все сферы жизнедеятельности пожилого человека, генерирует смыслы и стратегии его социальной активности. Семья пожилых людей не только обеспечивает удовлетворение базовых биологических и социальных потребностей, стабилизирует

эмоционально-психологическую жизнь людей, но и формирует активную, ответственную жизненную позицию, содействует самореализации личности в иных сферах жизнедеятельности человека.

Среди проблем, с которыми сталкивается пожилой человек, особое место занимает утрата близкого человека и особенности взаимоотношений в семье. Проблема вдовства актуализируется сегодня в связи со старением населения и гендерным дисбалансом в позднем возрасте. Утрата близких людей – мощный дестабилизирующий фактор, нарушающий основы бытия пожилого человека, взаимодействия с социальной средой. Смерть супруга/супруги воспринимается часто как собственная смерть, без него/нее жизнь теряет смысл, нарушается жизненный баланс, изменяется поведение и образ жизни. Стремясь объяснить, что испытывает пожилой человек, оставшись один, доктор Пайфер, например, сравнивает пожилых людей и прежде всего овдовевших пожилых с людьми, испытывающими сильный посттравматический синдром [3]. Овдовение влечет за собой изменение семейной структуры, снижение социального статуса. Угроза одиночества, дефицит интимности, крах супружеской семьи грозят обернуться тяжелой депрессией.

В связи с потерей супруга/супруги большую значимость приобретает семья детей, но в ней пожилой человек не способен компенсировать супружеские отношения. Значительная часть пожилых россиян живет сегодня совместно с детьми и внуками. Часть пожилых людей сталкивается в семье детей с непониманием, отчужденностью со стороны молодого и среднего поколения, которое видит в пожилом человеке прежде всего хозяйственный резерв. Социальные роли пожилых в семье принижены, и экономическая зависимость зачастую ставит «бабушек», живущих в семье, в положение домашней прислуги, независимо от уровня образования, культурного потенциала, жизненного опыта и самооценки [4].

Хозяйственная функция по выполнению домашней работы часто становится доминирующей для старшего поколения семьи, но сильно обременительной, что сказывается в дальнейшем на эмоциональной составляющей семейного климата, психологической атмосфере, не оставляющими места для духовных контактов: *«Да, квартира у нас удобная, большая, уборки хватает. А как же? Сама, все сама. Они помогли бы, да не хочу я им выходящей портить... Заболеть иногда хочется. Непонятно? Кто-нибудь чаю*

тогда подаст, сядет рядом, поговорит» [5, с. 110]. Наблюдается также перераспределение власти в семье. Пожилые люди постепенно отстраняются от главенствующих позиций.

Проблемы межпоколенного взаимодействия возникают по мере взросления внуков. «Их мышление все более приобретает дифференцирующий взгляд на мир, в то время как деды сохраняют неизменность своего выстраданного интегративного мира, отстаивая его с настойчивостью обреченного, понимающего, что эта обретенная им мудрость есть все достояние его жизни, ее итог, и иного уже не дано. Если юность уже обрела предчувствие будущего, а взрослость его осуществляет, то старость при взаимодействии с ними чувствует себя теряющей свое прошлое. Их (дедов) настоящее, тем самым, не имея перспективы будущего и потеряв значимость прошлого, существует как бы вне времени, не нужное ни им самим, ни окружающим. И развитие на Западе домов престарелых, по существу, есть реакция общества на возникшую вневременность стариков. Так сказать, общественный инструментализм решения проблемы в форме резерваций» [6].

Люди одного поколения, как правило, живут в одно историческое время. Мы живем во времени, которое постоянно увеличивает свой бег, целые поколения даже еще живых и здравствующих людей оказываются «за бортом современности». Их не просто нежелание, а даже неспособность жить в новом темпе, более интенсивно, выносит их на задворки современности. Сегодня, по мнению С.А. Кравченко, мы сталкиваемся с эффектом временного дисхроноза: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах [7]. Пожилой человек уже не является носителем знаний, умений, а иногда вообще воспринимается как бесполезный, мешающий, потому что не может обращаться, например, с современной техникой. Молодые люди пренебрегают опытом старшего поколения, считают его безнадежно устаревшим. Двадцатилетнему человеку трудно представить себя стариком, когда начнут появляться хронические болезни, угрожающие его жизни, понять чувства и жизненные приоритеты пожилого.

Трудно не согласиться с С.А. Кравченко и в том, что одним из аспектов трансформации российского общества является риск производства новых маргинальных групп. Речь идет о людях, которые в силу своих физических и интеллектуальных способностей не смогут вообще адаптироваться к скорости мо-

дернизации, к усложняющейся социокультурной динамике, потенциально предрасположенных к образованию групп безработных, и особенно, о тех людях, кто не может освоить технологические инновации [7]. Вещи не могут составить сами, их старит модернизация. Статичные общества медленных изменений наделяют авторитетом старость, опыт, традицию, прошлое, в обществах динамичных престижность – это атрибут молодости. Поэтому маргинальной группой рискуют стать старики. В позднем возрасте люди с трудом вырабатывают новый динамический стереотип, ломка привычного образа жизни болезненна для пожилых. Пожилые люди представляют собой обособленную, непродуктивную группу, неспособную больше приносить пользу обществу. Следовательно, социум в ней не нуждается. Учитывая темпы модернизации, эта разобщенность между поколениями, а значит и эксклюзия старшего поколения не только сохранится, но и значительно возрастет.

Старость связывается с эксплуатацией, виктимизацией и стигматизацией пожилых людей, в современных обществах процветает эйджизм. Значительную роль в этих процессах играет фактор социальной изоляции пожилых людей – часть из них живут как биологические существа, но для них наступила социальная смерть – они выпали из общества. В. Альперович пишет: «На какой бы ступени иерархической лестницы не находился старик, высокой или низкой, его постоянно преследует мрачный грифон, вонзая когти в самую душу. Имя этому чудовищу – «Ненужность» [2, с. 49-50]. Обостряется конфликт между поколениями, распадаются большие семьи, рушится привычный быт. Старый и молодой мир, «мы» и «вы» не понимают и не принимают друг друга.

В данном ракурсе особый исследовательский интерес представляет исследование супружеских отношений, являющихся, по мнению автора, основным механизмом активизации личностного потенциала пожилых людей. В старости увеличивается зависимость от других людей не только физическая, но и эмоциональная. Человеческое общение важно и ценно в любом возрасте, но в старости эта ценность обретает особый смысл. Пожилой человек нуждается в ощущении «нужности» семье, супругу, детям, внукам. Взаимодействие «муж – жена» или отношения свойства в позднем возрасте существенно видоизменяются: усиливается взаимозависимость супругов, формируются общие механизмы восприятия мира, интерпрета-

ции внешних событий, переживаются схожие эмоциональные состояния. Этот тезис подтверждается научными исследованиями. Л.И. Якимаха пишет, пока пожилые находятся в супружестве, они лучше адаптируются к своему возрасту и реже обращаются за социальной помощью или переходят на постоянное проживание в стационарные учреждения [8].

Анализируя модель пожилой семьи в рамках типологии моногамных форм семьи, С.И. Голода [9] определяет ее как супружескую семью, где доминирующими становятся отношения свойства. В рамках такой семьи, по мнению Э. Гидденса, супруги стали рассматриваться как сотрудники в совместном эмоциональном предприятии, и это приобрело даже большее значение, чем обязательства по отношению к детям [10, с. 23-32].

Отношения между супругами в этой модели являются не следствием родства, как в патриархальной семье, или рождения, как в детоцентристской, а проявлением свойства. Автономия семьи пожилых людей дает партнерам возможности реализации интересов и потребностей, раскрывающих индивидуальное своеобразие супругов [9, с. 180-181]. Подробнее остановимся на специфике отношений свойства: супружество – это личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями (интимностью, автономией). Особенно подчеркивается неинституциональный характер отношений, симметричность прав мужа и жены.

Учитывая все выше сказанное, можем говорить о том, что супружество является одним из вариантов стабилизации жизни пожилых людей, повышения ее качества по сравнению с одиноким образом жизни и жизни пожилого в семье детей. По мнению В. Голофаства, без сферы личной, частной семейной жизни существование кажется пожилому человеку ущербным, неполноценным.

Супружеские отношения сложны и противоречивы в старости. По данным американских психологов, в поздних возрастах брак начинает в большей степени служить источником утешения, поддержки и душевной близости. Супруги чаще оказывают помощь друг другу. Таким образом, в преклонном возрасте люди редко расходятся, понимая, насколько они нуждаются друг в друге.

Пожилые супруги постепенно отдаляются от публичной жизни, становятся менее зависимы от внешних социальных групп. Возрастает значимость частной жизни, индивидуалистических ценностей. Подтверждение этому на-

ходим в работах М. Фуко, подчеркивающего такие черты индивидуализма, как независимость от внешней среды, возрастание ценности семейных отношений, домашней деятельности, охрана частной жизни. Пожилые супруги переходят на качественно новый уровень семейной жизни, для которого характерны усиление адаптационной и защитной функций, нарастание интимности, снижение конфликтности. Пожилые супруги являются обладателями не только схожих жизненных стратегий, но также привычек, интересов. В позднем возрасте супруг становится источником социального, психологического, а нередко и материального благополучия.

Супружеская семья, являясь самодостаточным социальным организмом, расширяет возможности самореализации личности после выхода на пенсию. Пожилые супружеские пары составляют особый специфический сегмент семейных отношений, являющийся неотъемлемой частью не только трансформации социального института семьи, но и динамики современного общества. Супружество в позднем возрасте выступает основным механизмом активизации личностного потенциала пожилых людей, а также эффективным способом интеграции представителей третьего поколения в общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виктор К.* Старость в современном обществе: Руководство по социальной геронтологии // Социальная геронтология: Современные исследования. М, 2004.
2. *Альперович В.Д.* Социальная геронтология. Ростов-на-Дону, 1997.
3. *Пайфер М.* Иная страна. Как не заблудиться в эмоциональном мире пожилого человека / М. Пайфер // Отечественные записки. 2005. № 3 (24): <http://www.strana-oz.ru/print.php>.
4. Пожилые люди – взгляд в XXI век. Отчет о результатах социологического исследования положения пожилых людей в Нижегородской области, проведенного в феврале 1999 г. Н. Новгород, 1999.
5. *Александрова Т.А.* Годы и заботы. М., 1990.
6. *Феоктистов Г.Г.* Две мудрости // Философия старости: геронтософия. Сборник материалов конференции. Сер. «Symposium», вып. 24. СПб., 2002.

7. *Кравченко С.А.* Социальные реалии и социология: подходы // Россия реформирующаяся. 2010. Выпуск 9. М., 2010.
8. *Якимакха Л.И.* Роль семьи в жизни пожилых людей // Психология зрелости и старения. 2002. № 2 (18).
9. *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
10. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.

L I T E R A T U R E

1. *Viktor K.* Ageing in modern society: manual in social gerontology// Social gerontology. M, 2004.
2. *Alperovich V.D.* Social gerontology/ V.D. Alperovich. Rostov-on-Don, 1997.
3. *Paifer M.* The foreign country. How you do not lose in emotional world of the old man // Native notes. 2005. № 3(24): <http://www.strana-oz.ru/print.php>.
4. The old people – view in XXI century. The report of the results of sociological approach about the state of the old people in Nizhniy Novgorod region, 1999.
5. *Aleksandrova T.A.* Years and concerns. M., 1990.
6. *Feoklistov G.G.* Two wisdoms // Philosophy of the ageing: gerontosophia. The collection of conference material. Title: «Symposium», № 24. St.P., 2002.
7. *Kravchenko S.A.* Social reality and sociology: approaches // Reforming Russia: Year collection. 2010. № 9. M., 2010.
8. *Yakhimakha L.I.* The role of family in the old people life // Psychology of maturity and ageing. 2002. № 2 (18).
9. *Golod S.I.* Family and family unit: historical-sociological analysis. St.P., 1998.
10. *Giddens E.* Transformation of intimacy. Sexuality, love and erotism in modern communities. St.P., 2004.